

DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-63-79

Проблема защиты «зарубежных интересов государства» во внешнеполитической стратегии Китая: концептуально-правовое и экспертное измерения дискуссии

Сизов Георгий Андреевич^{1,2}

---

¹ Российский институт стратегических исследований

² Московский государственный институт международных отношений МИД России

Аннотация. В статье рассматривается содержание важной для дипломатии Китая категории «зарубежных интересов государства» и изучается место этой проблемы во внешнеполитической стратегии страны. Анализируется сравнительно широкий пласт китайской научно-исследовательской литературы, концептуальных и нормативно-правовых документов, связанных с государственной политикой КНР по защите своих зарубежных интересов. В качестве главного вывода предлагается тезис о том, что руководство Китая придерживается узко-материалистической трактовки данной категории потребностей, а также не придаёт ей столь экзистенциального характера, как «коренным интересам» страны. В настоящее время отстаивание зарубежных интересов Пекина направлено на реализацию преимущественно охранительных потребностей, которые связаны с сохранением и укреплением экономического развития, успешной реализацией внешнеэкономических инициатив, повышением международного престижа и расширением контактов с другими государствами. Данная ситуация, как ожидается, сохранится в обозримом будущем, однако возникновение более серьёзных угроз для зарубежных интересов КНР с высокой вероятностью может привести к новому витку трансформации внешнеполитической стратегии страны.

Ключевые слова: Китай, национальные интересы, политика безопасности, дипломатия, внешнеполитические концепции.

Автор: Сизов Георгий Андреевич, старший эксперт Центра координации исследований Российского института стратегических исследований (адрес: 125413, Москва, Флотская ул., 15Б); соискатель Московского государственного института международных отношений МИД России (адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76). ORCID: 0009-0007-6103-123X. E-mail: georgy.sizov@list.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Сизов Г.А. Проблема защиты «зарубежных интересов государства» во внешнеполитической стратегии Китая: концептуально-правовое и экспертное измерения дискуссии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2024. № 4. С. 63–79. DOI 10.24412/2686-7702-2024-4-63-79

The protection of “state overseas interests” in China's foreign policy strategy: conceptual, legal and expert dimensions of the discussion

Sizov Georgiy A.^{1,2}

¹ Russian Institute for Strategic Studies

² Moscow State Institute of International Relations

Abstract. The article examines the content of “state overseas interests”, which is an important Chinese diplomatic concept, and studies the role those interests play in the country's foreign policy strategy. The work analyzes a relatively wide range of Chinese research literature, conceptual and regulatory documents related to the PRC’s policy to protect its overseas interests. The author concludes that the Chinese leadership adheres to a narrow materialistic interpretation of overseas interests and does not regard their protection as an existential need as compared to the “core interests” of the country. At present, Beijing's pursuit of its overseas interests exhibits protective nature and is aimed at promoting country’s economic development, implementing foreign economic initiatives, improving international image and deepening its relations with other states. This situation is unlikely to change in the foreseeable future, but the emergence of more serious threats to China's overseas interests may bring about new changes in the country's foreign policy strategy.

Keywords: China, national interests, security policy, diplomacy, foreign policy concepts.

Author: *Sizov Georgiy A.*, Senior Expert, Research Coordination Center, Russian Institute for Strategic Studies (address: 15B, Flotskaya St., Moscow, 125413, Russian Federation); PhD applicant, Moscow State Institute of International Relations of the Russian Foreign Ministry (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). ORCID: 0009-0007-6103-123X. E-mail: georgy.sizov@list.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Sizov G.A. (2024). Problema zashchity «zarubezhnykh interesov gosudarstva» vo vneshnepoliticheskoy strategii Kitaya: kontseptual’no-pravovoye i ekspertnoye izmereniya diskussii [The protection of “state overseas interests” in China's foreign policy strategy: conceptual, legal and expert dimensions of the discussion]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 63–79. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2024-4-63-79

Защита «зарубежных интересов» как направление внешней политики Китая

Трансформация внешнеполитической стратегии Китайской Народной Республики традиционно была связана с проблемой отстаивания различных «коренных интересов» (核心利益) страны, перечень которых постепенно расширялся и охватывал новые аспекты. Среди официально провозглашённых основополагающих приоритетов и задач дипломатии Пекина можно выделить следующие: защита суверенитета государства и недопущение вмешательства во внутренние дела, сохранение территориальной целостности и единства страны (это включает в себя широкое международное признание и прямое осуществление суверенитета КНР над Тайванем, Синьцзяном и Тибетом; потом в эту категорию войдут оспариваемые Китаем острова и акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей), сохранение сложившейся политической системы во главе с Коммунистической

партией Китая (КПК), а также гарантирование устойчивого социально-экономического развития и общественно-политической стабильности¹.

Проблема защиты «зарубежных интересов государства» (国家海外利益) прочно вошла во внутреннюю общественно-политическую дискуссию и дипломатическую повестку КНР во второй половине 2000-х гг. Осознание партийными деятелями и учёными Китая важности данной категории национальных интересов стало важным индикатором трансформации внешнеполитической стратегии страны под влиянием роста её экономической мощи, а также увеличения числа дипломатических, торговых, инвестиционных и гуманитарных контактов с другими государствами [Портяков 2012: 22–23; Коростиков 2016: 121; Johnston 2013: 35–36].

Вопрос поиска эффективной модели защиты зарубежных интересов в условиях сложившегося международного права и глобализированной мировой экономики продолжает оказывать влияние на дипломатию Китая, законодательные процессы и политико-административные реформы в партийно-государственном аппарате страны. Эта тема получила новое развитие после XVIII съезда Компартии в ноябре 2012 г.² Так, зарубежные интересы стали одним из приоритетов политики страны в рамках «концепции комплексной государственной безопасности» (综合国家安全观), выдвинутой в 2014 г. председателем КНР и Генеральным секретарём Центрального комитета КПК Си Цзиньпином. Изначально в ней были зафиксированы 11 сфер: политическая безопасность, безопасность территории государства, военная, экономическая, культурная, общественная, научно-техническая, информационная, экологическая, ресурсная и ядерная безопасность. Впоследствии к ним были добавлены ещё 5 направлений безопасности: зарубежных интересов, космическая, «океанских глубин», «двух полюсов» и биологическая³. В 2013–2016 гг. Китай стал более открыто артикулировать на международной арене стремление к защите собственных зарубежных интересов и представлять это легитимной потребностью страны.

В настоящее время проблема надлежащей защиты «зарубежных интересов» обусловлена сохранением (и в некоторых случаях обострением) различных нетрадиционных вызовов и угроз (в виде международного терроризма, транснациональной преступности, деятельности вооружённых антиправительственных группировок и др.), которые затрагивают экономические интересы КНР в государствах Азии, Африки и Латинской Америки (включая участников инициативы «Пояс и путь») и безопасность китайских специалистов, работающих за рубежом. Кроме того, растущее давление Соединённых Штатов Америки и других западных стран на китайские компании и граждан создаёт потребность в поиске новых способов отстаивания интересов Пекина.

---

¹ См.: 坚持以国家核心利益为底线维护国家主权、安全、发展利益 [Твёрдо придерживаясь коренных интересов государства в качестве базисной линии для защиты государственного суверенитета, безопасности и интересов развития]. 习近平外交思想和新时代中国外交 [Идеи Си Цзиньпина о дипломатии и дипломатия Китая в новую эпоху]. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/node_8020545.shtml (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

² 夏莉萍. 中国海外利益保护的挑战与应对 [Ся Липин. Защита зарубежных интересов Китая: вызовы и их решения]. *中国社会科学报* [Общественные науки Китая], 18.07.2024. URL: https://www.cssn.cn/skgz/bwyc/202407/t20240718_5765167.shtml (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

³ См.: 王志刚. 加强自主创新 强化科技安全 为维护 and 塑造国家安全提供强大科技支撑 [Ван Чжиган. Усиливать возможности по осуществлению самостоятельных инноваций, укреплять научно-техническую безопасность, обеспечить мощную научно-техническую поддержку выстраиванию и защите национальной безопасности]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 15.04.2020. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0415/c1003-31673495.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

В представленной статье рассматривается, как в КНР развивается дискуссия относительно зарубежных интересов государства. С опорой на исследования китайских экспертов-международников, существующую нормативно-правовую и концептуальную базу дипломатической деятельности страны раскрывается содержание этого понятия, рассматриваются различные подходы к защите данной категории национальных интересов, а также анализируется их место в общей структуре внешнеполитических приоритетов Пекина.

Расширение «зарубежных интересов государства» и проблема их защиты в китайском международно-политологическом дискурсе

Наиболее значимый вклад в концептуализацию «зарубежных интересов» Китая и изучение инструментов их защиты сделали Юй Цзюнь и Чэн Чуньхуа [Yu, Cheng 2015], Мэнь Хунхуа и Чжун Фэйтэн [Men, Zhong 2017], Сяо Хэ [Xiao 2018, 2019], Ван Мэйли и Ли Юйцзе [Wang, Li 2019], Люй Сяоли и Сюй Цин [Lü, Xu 2015], Сяо Си и Лан Шуай [Xiao, Lang 2015], Чу Инь и Чэн Лигэн [Chu, Cheng 2014], Ван Ичжоу [Wang 2013], Ван Цуньган [Wang 2015], Цуй Шоуцзюнь [Cui 2017], Ли Шаодань [Li 2018], Лю Сяоян [Liu 2016], Чэнь Цзиминь [Chen 2014], Ли Чжиюн [Li 2015] и др. При этом в китайской научной литературе, посвящённой зарубежным интересам страны, можно обнаружить два основных подхода к трактовке данного термина: узко-материалистический и материально-идеалистический [Wang 2014: 52–54]. Первый учитывает в основном конкретные материальные факторы и явления (работающие за рубежом граждане, экономические активы китайских компаний в других странах, проекты межгосударственного сотрудничества и др.), которые требуют защиты государства; второй в дополнение ко всему вышесказанному охватывает нематериальные атрибуты внешней политики государства (международный престиж, уровень влияния на многосторонние институты и нормотворчество, распространённость ценно-идеологических установок страны и т.д.).

Одно из первых и наиболее устоявшихся в научном дискурсе определений зарубежных интересов выдвинул Чэнь Чжиу. Он предложил рассматривать под этим термином четыре приоритета государственной политики КНР: «обеспечение безопасности жизней граждан, инвестиций и собственности, поставок энергоносителей, а также расширение зарубежных рынков» [Chen 2005: 24–28]. При этом были выделены три вида рисков для «зарубежных интересов»: политические (социальная нестабильность, внутренние и межгосударственные конфликты), инвестиционные и в области нетрадиционных вызовов и угроз безопасности (терроризм, экстремизм, организованная преступность и т.д.). Каждый из них, соответственно, требует разных инструментов реагирования, которые не всегда сводятся к использованию силы.

Более комплексную трактовку зарубежных интересов предложил Чэнь Вэйшу. Так, зарубежные интересы Китая – это интересы страны, возникающие за пределами осуществляемого ею суверенитета, которые включают в себя не только обеспечение безопасности жизни, собственности и деятельности граждан и организаций КНР за рубежом, но и различные действующие соглашения и договоры, заключаемые с иностранными субъектами китайским правительством, юридическими и физическими лицами с целью оформления «отношений интересов» (利益关系), а также охватывают проблемы защиты

достоинства, репутации и имиджа государственных и негосударственных представителей Китая [Chen 2009: 8–13].

Похожее по своему характеру, но более широкое определение зарубежных интересов Китая предлагает Ван Фалун. По его мнению, в эту категорию входят все материальные и нематериальные потребности Китая, находящиеся за пределами его юрисдикции, включая интересы в области политики, безопасности и международных институтов [Wang 2014: 30].

Определение «зарубежных интересов», разработанное Су Чанхэ, также строится на международном взаимодействии как основополагающем условии возникновения данных интересов. Согласно исследователю, они представляют собой «государственные интересы Китая, которые возникают в результате действий правительства, компаний, общественных организаций и граждан в ходе налаживания ими глобальных связей; существуют за пределами юрисдикции КНР, а также выражаются преимущественно в форме “международных контрактов”» (国际合约) [Su 2009: 13–20]. Под последними, вероятно, в широком смысле понимаются различные виды формальных взаимодействий, предполагающих возникновение отношений взаимных обязательств. По словам Су, использование термина «международные контракты» призвано обозначить международно-правовую легитимность как один из важных критериев «законных зарубежных интересов» страны.

В рамках идеалистического подхода к зарубежным интересам Лю Ляньлянь предлагает использовать термин «государственные интересы нового типа» (新型国家利益), которые в дополнение ко всему вышеперечисленному охватывают «нематериальные» потребности страны в участии в формировании международного порядка, правил и институтов, а также в продвижении на мировой арене собственных нарративов и защите позитивного имиджа Китая [Liu 2017: 128]. Оформление данной категории интересов имеет конструктивистскую и идеалистическую природу, поскольку, как подчёркивает китайский исследователь, оно связано с исторической трансформацией национальной идентичности и осознаваемой структуры государственных приоритетов, что обусловлено изменением роли и веса КНР на международной арене.

Схожих идей о конструктивистской сущности зарубежных интересов придерживаются Сю Фэнъи и Ван Фалун. Они отмечают подвижность данной категории государственных приоритетов и их зависимость от самоидентификации Китая и характера взаимодействия с международным сообществом [Xiu, Wang 2022: 128–144]. Примерно о том же говорят Сю Си и Лан Шуай [Xiao, Lang 2015], а также Сю Хэ, который полагает, что руководство КНР осторожно расширяет концепцию зарубежных интересов, исходя из потребностей международной ситуации и оставляя себе пространство для манёвра [Xiao 2018: 185]. Сю подчёркивает, что стратегия Китая в данном вопросе определяется «нынешним статусом страны в международной системе, уникальными особенностями социалистического политического строя, а также тем, как внутренняя политическая и экономическая системы воспринимают внешнее давление» [Xiao 2019: 215–219]. В этом контексте ключевыми характеристиками китайского подхода к обеспечению безопасности зарубежных интересов государства являются «низкий уровень принуждения» (低强制性) и недостаток диверсификации соответствующих инструментов.

Анализируя способы защиты государством своих зарубежных интересов в условиях глобализированной экономики и сложившегося международного права, Лю Ляньлянь отмечает, что легитимное решение данной задачи возможно преимущественно через сотрудничество с другими странами. Отстаивание зарубежных интересов Китая, полагает учёный, должно учитывать характер угроз, которые перед ними возникают. В большинстве случаев основную роль в защите этих интересов, считает исследователь, играют правоохранительные органы стран-партнёров, в том числе в сотрудничестве с компетентными ведомствами Китая и государств-соседей (когда того требуют задачи борьбы с трансграничной преступностью). Вместе с тем односторонние действия также присутствуют в практике государств при высоких издержках и низкой эффективности двух- и многостороннего сотрудничества. Как правило, подобные ситуации возникают в случае кризисов, знаменующих собой фактический крах институтов государственности, в условиях масштабной деятельности террористических группировок, а также в «серых зонах» международного пространства, в том числе в морских акваториях [Liu 2017: 142]. Однако когда угрозы зарубежным интересам носят сравнительно незначительный характер, на первый план выходят традиционные механизмы консульской защиты и сотрудничество в области правоохранительной деятельности [Liu 2017: 147].

Цуй Шоуцзюнь подчёркивает, что учёт роли разных акторов (государственных и негосударственных) является отправной точкой для поиска путей диверсификации политики по защите зарубежных интересов КНР [Cui 2017: 90–97]. Учёный обращает внимание на существование своего рода «триумvirата» правительственных (партийные и государственные ведомства), рыночных (корпорации, частные охранные компании) и общественных (объединения китайских соотечественников) сил, участвующих в защите национальных интересов Китая за рубежом. Эти идеи во многом дополняют Люй Сяоли, Сюй Цин [Lü, Xu 2015: 134–139] и Синь Тянь [Xin 2016], которые рассматривают вопрос отстаивания «зарубежных интересов» при помощи создания горизонтальных общественных структур и усиления опоры на частных охранных подрядчиков в других государствах.

В контексте анализа проблематики защиты национальных интересов Китая примечательна аналитическая модель, предложенная Сяо Хэ. Он, как и Лю Ляньлянь, отмечает, что ключевой проблемой в решении рассматриваемой задачи является то, как в условиях глобализации найти баланс между международно-правовой легитимностью, имеющимися ресурсами и уровнем мотивированности государства–заявителя своих зарубежных интересов и возможностями принимающей стороны [Xiao 2019]. Принимающие государства обладают всей полнотой прав на решение проблем на своей территории, однако они могут не иметь ресурсов и/или мотивации для защиты интересов других стран в пределах собственной юрисдикции.

В зависимости от отношения к суверенитету другой страны Сяо Хэ выделяет четыре группы подходов государств к защите своих зарубежных интересов: «дипломатический» (外交保护型), с ведущей ролью принимающей страны (东道国主导型), или же «консульский»⁴; «законодательно-принудительный» (立法强制型), а также «ассемблирование безопасности»

---

⁴ Хотя китайский исследователь придерживается термина 东道国主导型的措施, т.е. буквально «меры, в рамках которых ведущую роль играет страна-реципиент», для удобства в работе будет использоваться определение «консульский подход».

(安全聚合型, security assemblage) [Xiao 2019: 205–209]. Все эти типы стратегий отличаются по степени принуждения и диверсификации субъектов, участвующих в защите зарубежных интересов.

«Дипломатический подход», по словам Сяо, связан с расширенной трактовкой правительством государственного суверенитета и его распространением на собственных граждан без изменения характера самой международной среды. В этом контексте угроза гражданам и юридическим лицам рассматривается как угроза самому государству, поэтому оно начинает рассматривать варианты реагирования, исходя из реалистских принципов самопомощи и политики силы. Сяо отмечает, что в настоящее время легитимность подобного подхода значительно снизилась и противоречит тенденциям развития международного права. Несмотря на это, лежащий в основе данного подхода принцип «око за око» нередко находит своё отражение в реальной политике государств, когда они обмениваются карательными экономическими мерами в отношении отдельных граждан и компаний.

«Консульский подход», согласно Сяо Хэ, заключается в увеличении государством–заявителем зарубежных интересов количества ресурсов, которые направляются для защиты национальных интересов за рубежом при уважении суверенитета и юрисдикции принимающей стороны. Заинтересованная сторона при этом может активно участвовать в процессе защиты интересов своих граждан и юридических лиц, оказывать содействие и различную помощь стране–партнёру и осуществлять меры по наращиванию потенциала последней в сфере реагирования на внутренние вызовы и угрозы. В этом ключе ещё одним инструментом защиты национальных интересов может стать общее улучшение двусторонних отношений и достижение компромиссов с принимающей стороной.

«Законодательно–принудительный» подход сопряжён с частичной трансформацией международной среды и созданием различного рода ограничений для других государств с целью регулирования их поведения. Основными инструментами подобной политики является создание и изменение международных институтов и норм (в т.ч. глобальных), учреждение многосторонних механизмов, подписание договоров, а также принятие односторонних законодательных (санкционных) мер (экстратерриториальное применение национальных законов).

Как отмечает Сяо Хэ, «ассемблирование безопасности» связано с переходом к «мультистейкхолдерной» модели решения соответствующих проблем с участием широкого круга частных и общественных акторов. С этим сопряжены рыночные процессы, экономическая глобализация, приватизация вопросов безопасности» и т.д. В рамках данного подхода акцент взаимодействия смещается от государств к негосударственным акторам. Примерами последних являются транснациональные частные охранные подрядчики, международные страховые и юридические компании, а также различные группы гражданского общества. Чжао Кэцзинь и Ли Шаоцзе также подчёркивают, что работающие за рубежом частные лица, рыночные структуры и общественные организации в большинстве случаев являются самыми заинтересованными «менеджерами в области безопасности», поскольку это напрямую касается их благополучия. Они нередко имеют даже больше возможностей предвидеть чрезвычайные ситуации и эффективно отреагировать на них, чем центральное правительство их родной страны [Zhao, Li 2015].

Как отмечает Сяо Хэ, в реальности многие страны используют все четыре типа вышеупомянутых мер. Однако в зависимости от их потребностей, возможностей и внутренних факторов акцент может быть сделан на одном или нескольких рассмотренных подходах. Кроме того, китайский исследователь предлагает разделять государства на ведущие великие державы (主导强国) и великие державы второго порядка (次强国家) в зависимости от выбранной ими стратегии защиты национальных интересов за рубежом. Соответственно, ведущие великие державы отдают приоритет тем мерам, которые сильнее воздействуют на их контрагентов и международную среду.

Развитие нормативно-правовой и концептуальной базы защиты зарубежных интересов КНР в «новую эпоху»

В настоящее время задача отстаивания зарубежных интересов Китая закреплена в ряде законов страны, в общегосударственных планах развития и концептуальных документах в области внешней политики и безопасности. Как уже было упомянуто, осознание Пекином необходимости защиты своих национальных интересов за рубежом сопряжено с процессом всесторонней проработки концептуальных основ государственной безопасности и выведения соответствующей проблематики на первые места в стратегии развития Китая в рамках выдвинутой в 2014 г. лидером страны Си Цзиньпином «комплексной концепции государственной безопасности»⁵. Начиная с 2016 г., задача защиты зарубежных интересов отражена в среднесрочных планах развития государства (первой в этом отношении стала тринадцатая «пятилетка» на 2016–2020 гг.). В Основных положениях 14-го пятилетнего плана социального и экономического развития КНР (2021–2025 гг.) и перспективных целей до 2035 г. подчёркивается необходимость создания системы защиты зарубежных интересов, а также предупреждения и предотвращения рисков. В этой связи в документе даётся установка на оптимизацию и расширение возможностей дипломатических представительств КНР по оказанию китайским физическим и юридическим лицам различной поддержки за рубежом, на совершенствование системы и механизмов консульской защиты, а также подчёркивается приоритет обеспечения безопасности, законных прав и интересов китайских граждан и учреждений в других странах⁶.

Принцип защиты зарубежных интересов закреплён в деятельности многих государственных институтов КНР. В этом отношении весьма наглядным примером является осознание Пекином необходимости увеличить роль Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в защите национальных интересов за рубежом, что проявилось в соответствующей трансформации военной стратегии страны в 2013–2020 гг. Так, в Белой книге

---

⁵ 涵养国家安全意识贵在深入重在持久 [Воспитание понимания важности государственной безопасности ценно и важно в своей глубине и прочности]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 15.04.2020. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0415/c1003-31673459.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.); 深刻理解和把握总体国家安全观 [Глубоко понимать концепцию комплексной государственной безопасности и хорошо владеть ей]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 15.04.2020. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0415/c40531-31673757.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

⁶ 中华人民共和国国民经济和社会发展第十四个五年规划和 2035 年远景目标纲要 [Основные положения 14-го пятилетнего плана социального и экономического развития КНР и перспективных целей до 2035 г.]. *新华社* [Синьхуа], 13.03.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

«Диверсификация применения вооружённых сил КНР» (2013 г.) появился раздел, который был полностью посвящён рассматриваемой категории приоритетов. Примечательно, что сам по себе термин «зарубежные интересы» впервые был использован в военном документе доктринального характера. В вышеупомянутом разделе констатировалось, что «вслед за постепенной интеграцией Китая в мировую экономику зарубежные интересы стали важной составной частью интересов государства»⁷.

В Белой книге «Военная стратегия КНР» (2015 г.) вновь были обозначены растущие опасения китайского руководства относительно увеличения числа внешних угроз. Так, в первом разделе документа отмечается, что «вслед за продолжающимся расширением интересов страны угрозу государственной безопасности может создать дестабилизация международной и региональной ситуации, терроризм, морское пиратство, масштабные стихийные бедствия, эпидемии и др.»⁸. В Белой книге вновь был повторён тезис 2013 г. о том, что «отчётливо наметились проблемы защиты зарубежных интересов, связанные с обеспечением безопасности маршрутов поставок энергоресурсов и коммуникаций стратегического характера, а также сопряжённые с обеспечением безопасности [китайских] структур, граждан и собственности за рубежом». Кроме того, примечателен был тезис о готовности КНР укреплять международное сотрудничество в области безопасности в тех регионах, где существуют особые опасения относительно зарубежных интересов страны.

В настоящее время действующая военная стратегия Китая изложена в Белой книге «Государственная оборона КНР в новую эпоху» (2019 г.). В документе вновь констатируется нарастание угроз для зарубежных интересов страны. В этой связи в действующей редакции военной стратегии Китая защита зарубежных интересов страны выделена в отдельный раздел. В нём впервые открыто подчёркивается желание руководства КНР уделять особое внимание сокращению разрыва между потребностями в проведении зарубежных операций и возможностями по их обеспечению⁹.

В Белой книге в общей сложности выделены четыре направления использования Китаем вооружённых сил за рубежом: участие в миротворческих миссиях, осуществление спасательных и гуманитарных операций, обеспечение безопасности международных морских коммуникаций и проведение совместных военных учений с другими странами. Констатируется, что для решения всех этих задач НОАК будет развивать экспедиционный флот, создавать за рубежом пункты материально-технического обеспечения (МТО), совершенствовать возможности для осуществления диверсифицированного спектра армейских операций. В этом контексте отмечается, что вооружённые силы намерены проводить операции по конвоированию морских судов, защите стратегических морских коммуникаций, эвакуации граждан из-за рубежа, отстаиванию «морских прав» страны и др.

---

⁷ 中国武装力量的多样化运用 [Диверсификация применения вооружённых сил КНР]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 16.04.2013. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2013-04/16/content_2618550.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

⁸ 中国的军事战略 [Военная стратегия КНР]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 26.05.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-05/26/content_2868988.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

⁹ 新时代的中国国防 [Государственная оборона КНР в новую эпоху]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 24.07.2019. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2019-07/24/content_5414325.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

Комментируя содержание Белой книги 2019 г., эксперт Института изучения войны Академии военных наук НОАК Янь Вэньху подчёркивает, что деятельность китайских вооружённых сил на нынешнем этапе развития страны будет в большей степени координироваться с расширением сферы зарубежных интересов КНР. При этом констатируется, что в нынешних условиях военное присутствие Китая в других странах не рассматривается как нарушающее традиционный для китайской дипломатии принцип невмешательства, если деятельность НОАК осуществляется с согласия партнёров Пекина или на многосторонней основе¹⁰.

С нормативно-правовой точки зрения, проблема защиты КНР своих зарубежных интересов при помощи военно-политических инструментов регулируется следующими законодательными актами: Закон об обороне (1997 г., изменён в 2009 и в 2020 гг.), Закон о государственной безопасности (2015 г.), Закон о противодействии терроризму (2015 г.), Основные положения об армейских операциях невоенного характера (2022 г.) и др.

Ключевым из вышеупомянутых нормативно-правовых актов является Закон КНР о государственной обороне. Изначально в нём не содержалось положений, относящихся к проблеме обеспечения безопасности интересов страны за рубежом. Лишь в декабре 2020 г. в данный нормативно-правовой акт были внесены соответствующие поправки. Так, в отредактированной ст. 22 подчёркивается, что миссиями и задачами НОАК является «оказание стратегической поддержки в вопросах... защиты зарубежных интересов государства, содействия глобальному миру и развитию». В полностью новой ст. 68 Закона устанавливается, что Китай использует вооружённые силы для «обеспечения безопасности граждан, организаций, структур и объектов КНР за рубежом, участия в миротворческих миссиях ООН, осуществления международных спасательных операций, конвоирования морских судов, проведения совместных военных учений, противодействия терроризму и др., а также выполняет свой долг по поддержанию международной безопасности и защищает интересы страны»¹¹.

Внесённые в Закон поправки в 2020 г. во многом были призваны инкорпорировать в законодательство те тезисы, которые были выдвинуты в Белой книге «Государственная оборона КНР в новую эпоху» (2019 г.)¹². В текущей редакции ст. 47 Закона о государственной обороне впервые допускается возможность полной и частичной мобилизации армии в случае создания угрозы «интересам развития» страны¹³. Как представляется, под данную формулировку может попадать отражение широкого спектра военных и гибридных угроз, в том числе блокирование морских торговых коммуникаций, намеренное нарушение цепочек

---

¹⁰ 闫文虎. 正确理解新时代军队使命任务 [Янь Вэньху. Правильно понимая миссии и задачи вооружённых сил в новую эпоху]. *解放军报* [Газета НОАК], 26.07.2019. URL: http://www.81.cn/jfjbmap/content/2019-07/26/content_239318.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹¹ 中华人民共和国国防法 [Закон КНР о государственной обороне]. *中华人民共和国国防部* [Министерство национальной обороны КНР], 27.12.2020. Принят 14.03.1997, изменён 27.08.2009 и 26.12.2020. URL: http://www.mod.gov.cn/regulatory/2020-12/27/content_4876050.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹² 专访军事科学院原副院长何雷：深入理解新修订的国防法 [Эксклюзивное интервью бывшего заместителя президента Академии военных наук Хэ Лэя: тщательно осмысливая новую редакцию Закона о государственной обороне]. *解放军报* [Газета НОАК], 13.01.2021. URL: https://www.mod.gov.cn/regulatory/2021-01/13/content_4876995_2.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹³ 新修订的国防法，新在何处 [Какие новые поправки внесены в Закон об обороне]. *光明日报* [Гуанмин жибао], 03.01.2021. URL: https://123.232.116.200/article/Content/3491_826680.html (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

поставок критически важного сырья, энергоресурсов, инновационной продукции, создание препятствий для реализации крупных инфраструктурных объектов за рубежом и т.д.

Практически идентичные положения относительно использования вооружённых сил Китая для защиты интересов страны за рубежом содержатся в ст. 18 и 33 Закона КНР о государственной безопасности (2015 г.). В них говорится о том, что страна осуществляет военные операции для защиты её зарубежных интересов и в соответствии с законом принимает необходимые меры для отстаивания разумных прав и интересов китайских граждан, организаций и учреждений за рубежом¹⁴. При этом в данном нормативно-правовом акте не затрагивается вопрос обеспечения безопасности китайских «объектов» (设施) за рубежом, как это прописано в Законе КНР о государственной обороне. Судя по всему, под этим термином подразумевается военно-логистическая инфраструктура. Отсутствие данного понятия в Законе о госбезопасности может быть обусловлено тем, что на момент его принятия (июль 2015 г.) Пекин не имел подобного рода объектов¹⁵.

Проблема обеспечения безопасности зарубежных интересов Китая также затрагивается в «Основных положениях стратегии государственной безопасности» (действовала в 2015–2020 гг.) и «Стратегии государственной безопасности (2021–2025 гг.)». Однако, к сожалению, на этот счёт отсутствуют какие-либо конкретные пояснения, поскольку данные документы носят закрытый характер и не опубликованы в открытой печати. Общая структура их содержания известна лишь из новостных сообщений о соответствующих заседаниях Политбюро ЦК КПК и комментариев правительственных экспертов [Chen 2023].

Закон о противодействии терроризму (2015 г.) предусматривает возможность отправки подразделений Народной вооружённой полиции или НОАК для участия в контртеррористических операциях за рубежом по решению Центрального военного совета¹⁶. Примечательно, что ранее проект закона от ноября 2014 г. включал в себя дополнительное предварительное условие для таких миссий, предусматривающее, что они будут одобрены «посредством соглашений, достигнутых с соответствующими странами». Это положение, однако, отсутствовало в окончательной версии, утверждённой Всекитайским собранием народных представителей в 2015 г.

Принятие в середине июня 2022 г. «Основных положений об армейских операциях невоенного характера»¹⁷ (АОНХ) свидетельствует о приоритете данного вида деятельности НОАК в рамках задач по защите зарубежных интересов КНР. Содержание Положений об АОНХ указывает на весьма широкий круг задач, которые Пекин намерен ставить перед армией в долгосрочной перспективе. Так, ей предписывается быть готовой «реагировать на чрезвычайные ситуации, защищать здоровье и имущество граждан, государственный суверенитет, безопасность, интересы развития страны, обеспечивать глобальную

---

¹⁴ 中华人民共和国国家安全法 [Закон КНР о государственной безопасности]. 国务院新闻办公室 [Пресс-канцелярия Госсовета], 01.07.2015. Принят 01.07.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2015-07/01/content_2893902.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹⁵ Первым и в настоящее время пока единственным примером такой инфраструктуры является логистический пункт НОАК в Джибути. Соглашение о его строительстве было достигнуто в январе 2016 г., а сама база начала функционировать с августа 2017 г.

¹⁶ 中华人民共和国反恐怖主义法 [Закон Китайской Народной Республики о противодействии терроризму]. 全国人民代表大会 [ВНП]. Принят 27.12.2015, вступил в силу с 01.01.2016. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2018-06/12/content_2055871.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹⁷ К сожалению, полный текст Положений так и не был опубликован. Основные идеи документа известны из пресс-релизов Минобороны, комментариев официальных лиц и правительственных экспертов.

и региональную стабильность»¹⁸. По оценкам экспертов, данные тезисы демонстрируют желание руководства КНР повысить результативность операций НОАК по оказанию гуманитарной помощи, сопровождению морских судов, миротворчеству, защите транспортных путей, китайских инвестиций, проектов и специалистов за рубежом¹⁹. Примечательно, что Минобороны КНР не опровергает подобные трактовки²⁰.

К 2023 г. руководство Китая завершило процесс правового регулирования проблемы защиты зарубежных интересов страны при помощи дипломатических инструментов. В июне 2023 г. был принят первый в своём роде Закон КНР о внешних связях. В ст. 37 главы 5 данного нормативно-правового акта было закреплено, что «государство в соответствии с законом принимает необходимые меры для защиты безопасности, законных прав и интересов китайских граждан и организаций за рубежом, защищает зарубежные интересы страны от угроз и посягательств. Государство укрепляет систему защиты зарубежных интересов, соответствующие рабочие механизмы и возможности»²¹.

В июне 2023 г. указом Госсовета также были приняты «Положения КНР о консульской защите и содействии», которые были разработаны и предложены Министерством иностранных дел ещё в марте 2018 г. В новом документе разъясняются соответствующие обязанности и функции МИД и диппредставительств страны, а также порядок осуществления ими данной работы. В рамках Положений китайские посольства и консульства играют ключевую роль в реагировании на чрезвычайные ситуации и создании системы их раннего информационного предупреждения. Аналогичная обязанность возлагается и на граждан, юридические лица и учреждения КНР за рубежом. Им вверяется создание механизмов предупреждения чрезвычайных происшествий и экстренного реагирования на них с учётом текущей ситуации с безопасностью в стране пребывания. В нормативно-правовом акте уточняется, что для этого вышеупомянутые субъекты должны выделять специальные материальные ресурсы, проводить обучение сотрудников мерам предосторожности и экстренного реагирования, а также «учредить специальные институты обеспечения безопасности и назначить соответствующий персонал по мере необходимости»²².

В рамках введения нового законодательства о консульской защите китайские чиновники пояснили, что соответствующая работа будет проводиться не только

---

¹⁸ 发布《军队非战争军事行动纲要（试行）》 [Опубликованы «Основные положения об армейских операциях невоенного характера (опытные)»]. *人民日报* [Жэньминь жибао], 14.06.2022. URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2022/0614/c64094-32445496.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

¹⁹ Xi signs outlines that direct China's military operations other than war. *Global Times*, Jan 13, 2022. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268037.shtml> (accessed: 07.02.2023).

²⁰ 国防部介绍《军队非战争军事行动纲要（试行）》目的意义 [Министерство обороны разъясняет «Основные положения об армейских операциях невоенного характера (опытные)»]. *国防部* [Министерство обороны КНР], 30.06.2022. URL: http://www.mod.gov.cn/jzhzt/2022-06/30/content_4914395.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

²¹ 中华人民共和国对外关系法 [Закон Китайской Народной Республики «О внешних связях»]. *中华人民共和国中央人民政府* [Госсовет КНР], 29.06.2023. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

²² 中华人民共和国国务院令 第763号. 中华人民共和国领事保护与协助条例. 2023年6月29日国务院第9次常务会议通过 [Указ Госсовета КНР № 763. Положения Китайской Народной Республики о консульской защите и содействии. Приняты на 9-м исполнительном заседании Госсовета 29.06.2023]. *中华人民共和国中央人民政府* [Госсовет КНР], 09.07.2023. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/202307/content_6891760.htm (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

Министерством иностранных дел, но и различными ведомствами, местными властями, посольствами и консульствами, а также компаниями, общественными организациями и отдельными гражданами. Согласно новому закону, региональные правительства должны будут увеличить бюрократический аппарат и количество выделяемых ресурсов для «динамичного» мониторинга зарубежной деятельности своих граждан и организаций. Кроме того, предполагается, что местным властям ввернется более активное участие в разработке планов реагирования на чрезвычайные ситуации за рубежом и координации усилий различных ведомств²³. Примечательно, что ранее, в 2015–2022 гг., 10 регионов КНР (в т.ч. пров. Гуандун, Фуцзянь, Хубэй и г. Шанхай) приняли собственные локальные нормативно-правовые акты в области защиты прав и интересов китайских граждан за рубежом²⁴.

В контексте анализа концептуального осмысления руководством Китая проблемы защиты зарубежных интересов страны весьма примечательной является опубликованная в октябре 2023 г. статья партийного комитета Министерства государственной безопасности (МГБ) КНР, посвящённая 10-летию «Пояса и пути». В ней констатируется, что с выдвижением инициативы произошло быстрое расширение сферы «зарубежных интересов» Китая. В результате в настоящее время они сталкиваются со значительным числом угроз. В МГБ подчёркивают, что в контексте развития инициативы «главным препятствием» является давление США и западных стран, «наиболее прямой угрозой» – террористическая активность, «наиболее заметной переменной» – региональная нестабильность, «наиболее каверзным вопросом» – попытки очернить инициативу, а «наиболее уязвимым звеном» – «нехватка специализированных сил для обеспечения безопасности и предотвращения угроз» (专业安防力量不足) реализации «Пояса и пути». В этих условиях, пишут чиновники, происходят покушения на личную безопасность и законные права и интересы китайских граждан за рубежом, многие крупные объекты становятся целями нападений, а также страдают от политических потрясений²⁵. Констатируется, что на этом фоне защита результатов сотрудничества под эгидой инициативы и «зарубежных интересов» КНР напрямую затрагивает общую архитектуру развития и систему безопасности страны.

Третий пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва, прошедший в июле 2024 г., обозначил ряд приоритетов в области совершенствования системы защиты государственной безопасности в КНР, в том числе в контексте отстаивания зарубежных интересов страны. В «Решении ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении модернизации китайского типа» было вновь заявлено о необходимости усилить институты и механизмы, отвечающие за «раннее предупреждение, предотвращение, контроль и защиту от рисков для интересов Китая и его зарубежных инвестиций». Руководство КНР также обозначило своё желание углубить международное

---

²³ China's local governments to play bigger role in protecting citizens abroad under new regulation. *South China Morning Post*, Jul 14, 2023. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3227774/chinas-local-governments-play-bigger-role-protecting-citizens-abroad-under-new-regulation> (accessed: 07.10.2024).

²⁴ New legislation proposed to protect overseas Chinese. *Xinhua*, Apr 26, 2023. URL: http://en.moj.gov.cn/2023-04/26/c_881512.htm (accessed: 07.10.2024).

²⁵ 国家安全机关做守护“一带一路”的“安全官” [Органы государственной безопасности выступают в качестве «офицеров безопасности», защищающих «Пояс и путь»]. 国家安全部 [Министерство государственной безопасности], 17.10.2023. URL: http://www.chinapeace.gov.cn/chinapeace/c100007/2023-10/17/content_12688877.shtml (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

сотрудничество с правоохранительными органами других стран по вопросам безопасности. Целью этого была названа защита законных прав и интересов граждан и юридических лиц КНР за рубежом²⁶.

* * *

Анализ концептуальных и правовых документов, посвящённых отстаиванию Китаем своих зарубежных интересов, позволяет сделать вывод, что в настоящее время руководство страны рассматривает данный термин в его узко-материальной трактовке. Он подразумевает акцент на физической безопасности и защите законных прав и интересов граждан, компаний и учреждений КНР за рубежом, а также на обеспечении свободной и безопасной работы международных коммуникаций стратегического характера.

Концептуальные рамки зарубежных интересов Пекина совмещают в себе объективное и субъективное начала в определении данных приоритетов страны. Китайские учёные констатируют наличие реально существующих потребностей государства в этом вопросе, но при этом рассматривают политику правительства как производную от процесса осознания и интерпретации данных интересов с учётом внутренних и внешних факторов.

При этом, исходя из трактовок различных исследователей в КНР, зарубежные интересы представляют собой подвид национальных интересов, который носит несколько второстепенный характер по отношению к другим приоритетам государственной политики. С одной стороны, защита «зарубежных интересов» является частью поддержания экономического благосостояния государства, поскольку эта деятельность сопряжена с обеспечением безопасности граждан, структур и компаний, а также с защитой коммерческих активов страны за рубежом. Учитывая масштаб внешнеэкономической деятельности Китая и его зависимость от неё, вряд ли данную проблему можно считать маловажной.

С другой стороны, зарубежные интересы явно уступают по своей приоритетности другим смежным категориям потребностей страны. Например, «интересам развития» (发展利益), которые в китайском понимании относятся к группе «коренных интересов» и считаются базовой гарантией существования государства [Zeng, Xiao, Breslin 2015; Zhou 2019]. По крайней мере, угроза «зарубежным интересам» не относится к категории экзистенциальных вызовов самому существованию государства и его суверенитету. Данная проблема скорее рассматривается в контексте сохранения и укрепления экономической мощи, успешной реализации внешнеэкономической стратегии, повышения международного престижа страны и расширения её контактов с другими государствами.

Судя по всему, в обозримом будущем проблема защиты «зарубежных интересов» во внешней политике КНР будет направлена на реализацию преимущественно охранительных потребностей государства, и вышеупомянутая категория интересов вряд ли перейдёт в группу экзистенциальных. Вместе с тем, как показывает практика, этот подход может быть пересмотрен в случае возникновения новых беспрецедентных международных кризисов

---

²⁶ 中共中央关于进一步全面深化改革 推进中国式现代化的决定 [Решение ЦК КПК о дальнейшем всестороннем углублении реформ и продвижении модернизации китайского типа]. 新华社 [Синьхуа], 21.07.2024. URL: <http://www.news.cn/politics/20240721/cec09ea2bde840dfb99331c48ab5523a/c.html> (дата обращения: 07.10.2024). (На кит.).

вблизи китайских границ или в ключевых странах-партнёрах Пекина. В этом контексте, вероятно, определяющую роль будут играть международные факторы и соотношение потенциальных материальных выгод и репутационных потерь от военного реагирования на ситуации, негативно влияющие на интересы Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Коростиков М.Ю. Динамика внешней политики КНР через призму национальных интересов // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 108–126.
- Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14–27.

REFERENCES

- Korostikov M.Yu. (2016). Dinamika vneshney politiki KNR cherez prizmu natsional'nykh interesov [Dynamics of China's foreign policy through the prism of national interests]. *Sravnitel'naya politika [Comparative Politics]*, 7 (4): 108–126. (In Russian).
- Portyakov V.Ya. (2012). Vneshnepoliticheskiye zavety Den Syaopina i ikh sovremennaya interpretatsiya [Deng Xiaoping's foreign policy precepts and their modern interpretation]. *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, 5: 14–27. (In Russian).
- * * *
- Chen Jimin (2014). Lun Zhongguo haiwai touzi liyi baohu de xianzhuang yu duice [On the current situation and countermeasures of protecting China's overseas investment interests]. *Guoji luntan [International Forum]*, 16 (5): 35–40. (In Chinese). [陈积敏. 论中国海外投资利益保护的现状与对策. 国际论坛].
- Chen Weishu (2009). Zhongguo haiwai liyi yanjiu de zongti shiye: yi zhong yi shijian wei zhu de yanjiu gangyao [The overall perspective of China's overseas interests research: a research outline based on practice]. *Guoji guancha [International Observation]*, 2: 8–13. (In Chinese). [陈伟恕. 中国海外利益研究的总体视野: 一种以实践为主的研究纲要. 国际观察].
- Chen Xiangyang (2023). Xin shidai guojia anquan zhidu yu zhanlue chuangxin huhang minzu fuxing [National security system and strategic innovation in the new era to safeguard national rejuvenation]. *Guojia anquan yanjiu [National Security Research]*, 5: 5–22. (In Chinese). [陈向阳. 新时代国家安全制度与战略创新护航民族复兴. 国家安全研究].
- Chen Zhiwu (2005). Shenshi Zhongguo de haiwai liyi [Examining China's overseas interests]. *Guoji rongzi [International Financing]*, 7: 24–28. (In Chinese). [陈志武. 审视中国的海外利益. 国际融资].
- Chu Yin, Cheng Ligeng (2014). Zhongguo waijiao de bian yu bu bian – lun haiwai liyi baohu yu “bu ganshe neizheng” yuanze [Changes and invariances in China's diplomacy – on the protection of overseas interests and the principle of “non-interference in internal affairs”]. *Qianxian [Frontline]*, 9: 46–48. (In Chinese). [储殷, 程立耕. 中国外交的变与不变—论海外利益保护与“不干涉内政”原则. 前线].
- Cui Shoujun (2017). Zhongguo haiwai anbao tixi jiangou chuyi [On the construction of China's overseas security system]. *Guoji zhanwang [International Outlook]*, 9 (3): 78–98. (In Chinese). [崔守军. 中国海外安保体系建构刍议. 国际展望].
- Johnston A.I. (2013). How new and assertive is China's new assertiveness? *Quarterly Journal: International Security*. Spring, 37 (4): 7–48.
- Li Shaodan (2018). Kuaguo zhengce lianmeng yu Zhongguo haiwai liyi de baohu he kuozhan [Transnational policy alliances and the protection and expansion of China's overseas interests]. *Shanghai duiwai jingmao daxue xuebao [Journal of Shanghai University of International Business and Economics]*, 25

- (6): 82–94. (In Chinese). [李少丹. 跨国政策联盟与中国海外利益的保护和拓展. 上海对外经贸大学学报].
- Li Zhiyong (2015). “Zouchuqu” yu Zhongguo haiwai liyi baohu jizhi yanjiu [Research on “going out” and China's overseas interests protection mechanism]. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 207 p. (In Chinese). [李志永. “走出去”与中国海外利益保护机制研究].
- Liu Lianlian (2017). Guojia haiwai liyi baohu jizhi lunxi [Analysis of the mechanism for protecting the state's overseas interests]. *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economy and Politics], 10: 126–153. (In Chinese). [刘莲莲. 国家海外利益保护机制论析. 世界经济与政治].
- Liu Xiaoyang (2016). Zhongguo guohua liyi yanjiu zongshu [A review of research on China's national interests]. *Guoji yanjiu cankao* [International Research Reference], 4: 47–57. (In Chinese). [刘笑阳. 中国国家利益研究综述. 国际研究参考].
- Lü Xiaoli, Xu Qing (2015). Goujian Zhongguo haiwai liyi baohu de shehui jizhi tanxi [On the construction of social mechanism for protecting China's overseas interests]. *Dangdai shijie yu shehuizhuyi* [Contemporary World and Socialism], 2: 134–139. (In Chinese). [吕晓莉, 徐青. 构建中国海外利益保护的社会机制探析. 当代世界与社会主义].
- Men Honghua, Zhong Feiteng (2017). Zhongguo haiwai liyi yanjiu de liang bo chaoliu ji qi tixi goujian [Two waves of research on China's overseas interests and their system construction]. *Zhongguo zhanlue baogao* [China Strategy Report], 1: 103–126. (In Chinese). [门洪华, 钟飞腾. 中国海外利益研究的两波潮流及其体系构建. 中国战略报告].
- Shambaugh D. (2013). *China goes global: the partial power*. New York: Oxford University Press, 432 p.
- Su Changhe (2009). Lun Zhongguo haiwai liyi [On China's overseas interests]. *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economy and Politics], 8: 13–20. (In Chinese). [苏长和. 论中国海外利益. 世界经济与政治].
- Wang Cungang (2015). Waibu zhanlue huanjing de xin tedian yu Zhongguo haiwai guojia liyi de wei hu [New characteristics of the external strategic environment and the protection of China's overseas national interests]. *Guoji guan cha* [International Observation], 6: 26–37. (In Chinese). [王存刚. 外部战略环境的新特点与中国海外国家利益的维护. 国际观察].
- Wang Falong (2014). Zhongguo haiwai liyi wei hu lu jing yanjiu: jiyu guoji zhidu de shijiao [Research on the path of maintaining China's overseas interests: Based on the perspective of international institutions]. *Guoji zhanwang* [International Outlook], 3: 51–67. (In Chinese). [王发龙. 中国海外利益维护路径研究: 基于国际制度的视角. 国际展望].
- Wang Falong (2014). Zhongguo haiwai liyi wei hu de xianshi kunjing yu zhanlue xuanze – jiyu fenxi zhezongzhuyi de kaocha [The real dilemma and strategic choice of the protection of China's overseas interests – an investigation based on analytical eclecticism]. *Guoji luntan* [International Forum], 6: 30–35. (In Chinese). [王发龙. 中国海外利益维护的现实困境与战略选择—基于分析折中主义的考察. 国际论坛].
- Wang Meili, Li Yujie (2019). Zongti guojia anquan guan xia Zhongguo haiwai quanyi baozhang guoji fazhi goujian de lilun tanxi [Theoretical analysis of the construction of international rule of law for the protection of China's overseas rights under the overall national security concept]. *Guangxi shehui kexue* [Guangxi Social Sciences], 8: 96–103. (In Chinese). [王玫黎, 李煜婕. 总体国家安全观下中国海外权益保障国际法治构建的理论析探. 广西社会科学].
- Wang Yizhou (2013). Chuangxin bu ganshe yuanze, jiada baohu haiwai liyi de lidu [Innovate the principle of non-interference and increase the efforts to protect overseas interests]. *Guoji zhengzhi yanjiu* [International Political Studies], 34 (2): 1–5. (In Chinese). [王逸舟. 创新不干涉原则, 加大保护海外利益的力度. 国际政治研究].

- Xiao He (2018). Zhongguo haiwai liyi baohu: jiben xingshi yu tixi jianshe [Protection of China's overseas interests: the basic situation and system construction]. In: *Guoji xingshi huangpishu: quanqiu zhengzhi yu anquan baogao (2018)* [Yellow Paper on International Situation: Global Political and Security Report (2018)] / Ed. by Zhang Yuyuan, Li Dongyan, Zou Zhibo. Beijing: Shehui kexue wenshu chubanshe, pp. 182–195. (In Chinese). [肖河. 中国海外利益保护: 基本形势与体系建设. 国际形势黄皮书: 全球政治与安全报告 (2018) / 张宇燕, 李东燕, 邹治波主编].
- Xiao He (2019). Haiwai liyi baohu de guojia jian bijiao [Comparison of the protection of overseas interests among countries]. In: *Guoji xingshi huangpishu: 2019 nian quanqiu zhengzhi yu anquan baogao* [Yellow Paper on International Situation: Global Political and Security Report 2019] / Ed. by Zhang Yuyan, Li Dongyan, Zou Zhibo. Beijing: Shehui kexue wenshu chubanshe, pp. 204–219. (In Chinese). [肖河. 海外利益保护的国家间比较. 国际形势 皮书:2019 年全球政治与安全报告 / 张宇燕主编; 李东燕、邹治波副主编].
- Xiao Xi, Lang Shuai (2015). Zhongguo haiwai liyi wei hu yu kuozhan moshi goujian tanxi [On the construction of the protection of China's overseas interests and expansion model]. *Xuexi yu tansuo* [Learning and exploring], 9: 51–58. (In Chinese). [肖晞, 郎帅. 中国海外利益维护与拓展模式构建探析. 学习与探索].
- Xin Tian (2016). Zhongguo haiwai liyi baohu siyinghua chutan [A preliminary study on the privatization of the protection of China's overseas interests]. *Guoji zhanwang* [International Outlook], 8 (4): 57–75. (In Chinese). [辛田. 中国海外利益保护私营化初探. 国际展望].
- Xiu Fengyi, Wang Falong (2022). Zhongguo haiwai liyi wei hu de zhudao luoji ji qi lishi shanbian [The dominant logic of the protection of China's overseas interests and its historical evolution]. *Shijie jingji yu zhengzhi luntan* [World Economy and Politics Forum], 2: 128–144. (In Chinese). [修丰义, 王发龙. 中国海外利益维护的主导逻辑及其历史嬗变. 世界经济与政治论坛].
- Yu Jun, Cheng Chunhua (2015). *Zhongguo de haiwai liyi* [China's overseas interests]. Beijing: Renmin chubanshe, 213 p. (In Chinese). [于军, 程春华. 中国的海外利益].
- Zeng Jinghan, Xiao Yuefan, Breslin S. (2015). Securing China's core interests: the state of the debate in China. *International Affairs*, 91 (2): 245–266.
- Zhao Kejin, Li Shaojie (2015). Tansuo Zhongguo haiwai anquan zhili shichanghua [Exploring the marketization of China's overseas security governance]. *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economy and Politics], 10: 144–153. (In Chinese). [赵可金, 李少杰. 探索中国海外安全治理市场化/ 世界经济与政治].
- Zhou Jinghao (2019). China's core interests and dilemma in foreign policy practice. *Pacific Focus*, 34 (1): 31–54.

Поступила в редакцию:

08.10.2024

Received:

Oct 8, 2024

Принята к публикации:

29.10.2024

Accepted:

Oct 29, 2024